КНИГА ЗА КНИГОЙ



Авдотья Рязаночка

Издательство „Детская литература"



Авдотья Рязаночка

Былины в пересказе
Б. Шергина



Москва
«Детская литература»
1982

РФ
А18

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гравюры В. ФАВОРСКОГО

Обложка и титул А. БИЛЛЬ

А18 **Авдотья Рязаночка: Былины в пересказе Б. В. Шергина/ Грав. В. Фаворского.— 4-е изд.— М.: Дет. лит., 1982.— 32 с., ил.— (Книга за книгой).**

5 коп.

Былины «Об Авдотье Рязаночке» и «О Сухмане Непровиче» воспевают стойкость и героизм русских людей, мужественно боровшихся с татаро-монгольскими поработителями.

А $\frac{70802-079}{М101(03)82}$ 233—82 **РФ**

К читателям

Автор этой книги Борис Викторович Шергин родился в Архангельске в 1896 году. На берегах Белого моря прошли и детство, и юность, и молодость автора. Он вырос в трудовой семье. Отец, коренной помор, был корабельным мастером, строил морские парусные суда. В доме у Шергиных часто бывали старые мореходцы, архангельские поморы. Борис Викторович любил слушать их рассказы.

В юности будущий писатель часто слушал и пение былин. Эти древние сказания передавались устно, без книг и без записи, от отцов к детям, от дедов к внукам. «Эти былины,— рассказывает Борис Викторович,— нам, ребятам, нетрудно было запоминать, потому что самая речь архангельских поморов сродни была красовитому языку былин и сказок».

И рассказы бывалых людей, и былины Б. Шергин запомнил на всю жизнь. Впоследствии они составили основу его литературных произведений.

Печатать свои рассказы Борис Викторович начал с 1916 года. Им написано около десятка книг: «У Архангельского города», «У корабельного пристанища», «Приключения Шиша Московского», «Архангельские новеллы», «Поморщина — корабельщина» и др.

В 1957 году в Детгизе вышла книга Б. Шергина «Поморские были и сказания».

БЫЛИНЫ

«ОБ АВДОТЬЕ РЯЗАНОЧКЕ» И «О СУХМАНЕ НЕПРОВИЧЕ»

«В солнце зна́менье страшное, в полночь звёзды хвостатые, перед зо́рями земля тряслась. Шла Орда на Святую Русь». Так начинается былина о татарском нашествии. Орда — монголо-татарские полчища — двинулась на Русскую землю с востока в тринадцатом столетии. В 1240 году «злы татарове» сожгли Киев, жителей увели в полон. Та же участь постигла Тверь, Рязань, Москву. Русский народ сопротивлялся отчаянно: «Пели стрелы калёные, гремели копья долгомерные, падали татарове труп на труп...» И всё же Орда наступала на Русь, покоряя одно за другим раздробленные русские княжества, заставляя русских князей платить дань татарскому хану. Но душа русского народа была непокорна и голова непоклонна. То одна, то другая область ополчалась против ненавистного ига. Орда опять опрокидывалась на Русь, опять текли кровавые реки...

Русь свергла татарское иго только тогда, когда объединилась под знаменем великого княжества Московского.

О бедственных временах татарщины правдиво рассказано в древних наших летописях. Память о них звучит и в народных песнях, и в былинных напевах, то величавых, то заунывных. В образе могучего богатыря Ильи Муромца народ воплотил мужество, силу и волю к победе русского воинства.

Во времена татарщины русские матери и жёны не то что плакали, а в слезах плавали. Плачет и «рязанская баба» Авдотья, увидев вместо города пепелище. Однако плачет недолго. Она идёт в дальний поход, в Орду, чтобы вызволить взятых в плен мужа, сына и брата. Простая русская женщина, Авдотья, которая всю жизнь пряла, ткала, мыла и стирала, когда пришёл грозный час, показала великую силу души. Вот стоит она перед страшным царём татарским — маленькая, в лапотках,— а кругом Орда, мечи, копья. На устах её не страх, а грозное слово: «Я пришла с тобою, царь, судиться!» И царь татарский, поражённый мужеством Авдотьи, которая шла в Орду целый год одна-одинёшенька по страшной дороге, терпела голод и холод, отпускает с ней на Русь не только родных, но и весь рязанский полон.

Герой былины «О Сухмане Непровиче» — сын реки и, совершив подвиг на пользу людям, сам становится рекой.

Народ не сомневался, что даже природа ненавидит врагов. В былине о Сухмане река Непра неуто-

мимо размывает мосты и переходы, по которым татары хотят переправиться на русский берег.

В этой былине отразились удивительные понятия наших предков об окружающем их мире. И солнце, и ветер, и река, и деревья представлялись нашим праотцам существами живыми, готовыми при случае помочь человеку.

Б. Шергин



Об Авдотье Рязаночке

Зачинается доброе слово
Про Авдотью-жёнку, Рязанку.

Дунули буйные ветры,
Цветы на Руси увяли,
Орлы на дубах закричали,
Змеи на горах засвистали.
Деялось[1] в стародавние годы.
Не от ветра плачет сине море,

[1] Де́ялось — происходило.

Русская земля застонала.
Подымался царище татарский
Со своею Синею ордою[1],
С пожарами, со смертями.
Города у нас на дым пускает,
Пепел конским хвостом разметает,
Мёртвой головой по земле катит.
И Русь с Ордой соступилась[2],
И были великие сечи...
Кровавые реки пролилися,
Слёзные ручьи протекали.
Увы тебе, стольный Киев!
Увы, Москва со Рязанью!
В старой Рязани плач с рыданьем:
Носятся страшные вести.
И по тем вестям рязанцы успевают,
Город Рязань оберегают:
По стенам ставят крепкие караулы,
В наугольные башни — дозоры.

Тут приходит пора-кошенина[3].
Житьё-то бытьё править надо.
Стрелецкий голова[4] с женою толкует,
Жену Авдотью по сено сряжает:
— Охти мне, Дунюшка-голубка,
Одной тебе косить приведётся,
Не съездить тебе в три недели,

---

[1] Синяя орда — прозвище одного из татарских племён времён нашествия татар на Русь.
[2] Соступи́лась — сошлась.
[3] Кошени́на — время покоса, когда заготовляют сено.
[4] Стрелецкий голова — начальник над отрядом стрельцов, охраняющих город или крепость.

А мне нельзя от острога[1] отлучиться,
Ни брата твоего пустить с тобою,
Чтобы город Рязань не обезлюдить.

И Авдотья в путь собралася,
В лодочку-ветлянку[2] погрузилась.
Прощается с мужем, с братом,
Милого сына обнимает:
— Миленький мой голубочек,
Сизенький мой соколик,
Нельзя мне взять тебя с собою:
У меня работа будет денно-нощна,
Я на дело еду скороспешно.

После этого быванья[3]
Уплыла Авдотья Рязанка
За три леса тёмных,
За три поля великих.
Сказывать легко и скоро,
Дело править трудно и долго.
Сколько Авдотья сено ставит,
Умом-то плавает дома:
«Охти мне, мои светы,
Всё ли у вас по-здорову?»

А дни, как гуси, пролетают,
Тёмные ночи проходят.
Было в грозную ночку —
От сна Авдотья прохватилась,

---

[1] Остро́г — деревянная крепость в городе.
[2] Ветля́нка — лодка, прошитая корнями ветлы — ивы. Такое крепление было прочнее железного.
[3] Быва́нье — происшествие, событие.

В родимую сторонку взглянула:
Над стороной над Рязанской
Трепещут пожарные зори...
Тут Авдотья испугалась:
— Охти мне, мои светы!
Не наша ли улица сгорела? —
А ведь сена бросить не посмела:
Сухое-то кучами сгребала,
Сучьём суковатым пригнетала,
Чтобы ветры-погоды не задели.
День да ночь работу хватала,
Не спала, не пила, не ела.
Тогда в лодчонку упала,
День да ночь гребла, не отдыхала,
Весла из рук не выпускала.
Сама себе говорила:
— Не дрожите, белые руки,
Не спешите, горючие слёзы! —
Как рукам не трястися,
Как слезам горючим не литься?
Несёт река головни горелы,
Плывут человеческие трупы.
На горах-то нет города Рязани,
Нету улиц широких,
Нету домовного порядка.
Дымом горы повиты,
Пеплом дороги покрыты.
И на пеплышко Авдотья выбредала.

Среди городового пепелища
Сидят три старые бабы,

По мёртвым кричат да воют,
Клянут с горя небо и землю.
Увидели старухи Авдотью:
— Горе нам, жёнка Авдотья!
Были немилые гости,
Приходил царище татарский
Со своею Синéю ордою,
Наливал нам горькую чашу.
Страшен был день тот и грозен.
Стрелы дождём шумели,
Гремели долгомерные[1] копья.
Крепко бились рязанцы,
А татар не могли отбити,
Города Рязани отстояти.
Убитых река уносила,
Живых Орда уводила.
Увы тебе, жёнка Авдотья,
Увы, горегорькая кукуша!
Твоё тёплое гнёздышко погибло,
Домишечко твоё раскатилось,
По камешку печь развалилась.
Твоего-то мужа и брата,
Твоего-то милого сына
В полóн увели татары!

И в те поры Авдотья Рязанка
Зачала лицо своё бити,
Плачем лицо умывати,
Она три дня по пеплышку ходила,
Страшно, ужасно голосом водила,

[1] Долгомéрный — долгий мерою, то есть длинный.

В ладони Авдотьюшка плескала,
Мужа и брата кричала,
О сыне рыдала неутешно.
Выплакала все свои слёзы,
Высказала все причитанья.

И после этого биванья
Вздумала крепкую думу:
— Я пойду вслед Орды, вслед татарской.
Пойду по костям по горелым,
По дорогам пойду разорённым.
Дойду до Орды до проклятой,
Найду и мужа и брата,
Найду своего милого сына!

Говорят Авдотье старухи:
— Не дойти тебе Орды за три года.
Пропадёшь ты, жёнка, доро́гой,
Кости твои зверь растащит,
Птицы разнесут по белу свету.

Говорит Авдотья старухам:
— То и хорошо, то и ладно!
Дожди мои косточки умоют,
Буйные ветры приобсушат,
Красное солнце обогреет.

Говорят Авдотье старухи:
— В Орде тебе голову отымут,
Кнутом тебе перебьют спину.

— Двум смертям не бывати,
А одной никому не миновати! —
И пошла Авдотья с Рязани:
Держанный на плечах зипунишко[1],
На ногах поношены обутки.
И поминок[2] добыла своим светам:
По́яса три да три рубахи.
— Найду их живых или мёртвых,
В чистые рубахи приодену.

Шла Авдотья с Рязани,
Суковатой клюкой подпиралась.
Шла она красное лето,
Брела она в грязную осень,
Подвигалась по снегу, по морозу.
Дожди её насекают[3],
Зимние погоды заносят.
Страшно дремучими лесами:
В лесах ни пути, ни дороги,
Тошно о лёд убиваться,
По голому льду подаваться.
Шла Авдотья с Рязани.
Шла к заре подвосточной,
Шла в полуденные страны,
Откуда солнце восходит,
Смену несла своим светам:
Три пояска да три рубахи.
Шла, дитя называла,

[1] З и п у́ н — кафтан крестьянского сукна с большим воротником.
[2] П о м и́ н о к — памятный подарок.
[3] Н а с е к а́ ю т — секут, стегают.

Мужа и брата поминала.
Тогда только их забывала,
Когда крепким сном засыпала.
Шла Авдотья близко году,
Ела гнилую колоду,
Пила болотную воду.
До песчаного моря доходила.
Идут песчаные реки,
Валится горючее каменье,
Не видать ни зверя, ни птицы;
Только лежат кости мёртвых,
Радуются вечному покою.
В тлящих[1] полуденных ветрах,
В лютых ночных морозах
Отнимаются руки и ноги,
Уста запекаются кровью.

И после этого быванья
Веют тихие ветры.
Весна красна благоухает,
Земля цветами расцветает.
Жёночка Авдотья Рязанка
На высокую гору восходит,
Берега небывалые видит:
Видит синее широкое море,
А у моря Орда кочевала.

За синими кудрявыми дымами
Скачут кони табунами,

---

[1] Тля́щий — растлевающий, разрушающий.

Ходят мурзы-татаре[1],
Ладят свои таборы-улусы[2].
Тут-то Авдотью увидали,
Врассыпную от неё побежали:
— Алай-булай, яга-баба!
— Алай-булай, привиденье! —
Голосно Авдотья завопила:
— Не бегайте, мурзы-татаре!
Человек я русского роду.
Иду в Орду больше году,
Чтобы вашего царя видеть очи.—
И в ту пору, и в то время
Авдотью к царищу подводят.
Блестят шатры золотые,
Стоят мурзы на карачках
Виньгают в трубы и в набаты,
Жалостно в роги играют,
Своего царища потешают.

Сидит царище татарский
На трёх перинах пуховых,
На трёх подушках парчовых.
Брови у царища совины,
Глаза у него ястребины.
Усмотрел Авдотью Рязанку,
Заговорил царище, забаял:
— Человек ты или привиденье?
По обличью ты русского роду.
Ты одна-то как сюда попала?

---

[1] Мурзы, мурзы-татаре, мурзы-уланые — так называли русские татарских начальников.
[2] Улу́сы — кочевые стойбища татар.

Ты не рыбою ли реки проплывала,
Не птицей ли горы пролетала?
Какое тебе до меня дело? —
И жёнка Авдотья Рязанка
Его страшного лица не убоялась:
— Ты гой еси[1], царище татарский,
Человек я русского роду,
Шла к тебе больше году,
Сквозь дремучие леса продиралась,
О голые льды убивалась,
Голод и жажду терпела,
От великой нужды землю ела.
Я шла к тебе своей волей,
У меня к тебе обидное дело:
Приходил ты на Русь со смертями,
С пожарами, с грабежами,
Ты разинул пасть от земли до неба,
Ты Рязань обвёл мёртвою рукою,
Катил по Рязани головнёю,
Теперь ты на радости пируешь...

Ей на то царище рассмехнулся:
— Смело ты, жёнка, рассуждаешь,
Всего меня заругала!
Не слыхал я такого сроду.
А не будем с тобою браниться,
Давай, Рязанка, мириться.
Какое тебе до меня дело? —
Говорит Авдотья Рязанка:

---

[1] Гой еси́ — это словосочетание употребляется в былинах как заздравный клич. Го́ить — жить, здравствовать.

— Ты увёл в полон моего мужа и брата,
Унёс моего милого сына.
Я ночью и днём их жалею,
Покажи их живых или мёртвых.
Я одену их в чистые рубахи,
Поясами их опояшу,
Покричу над ними, поплачу,
Про запас на них нагляжуся.

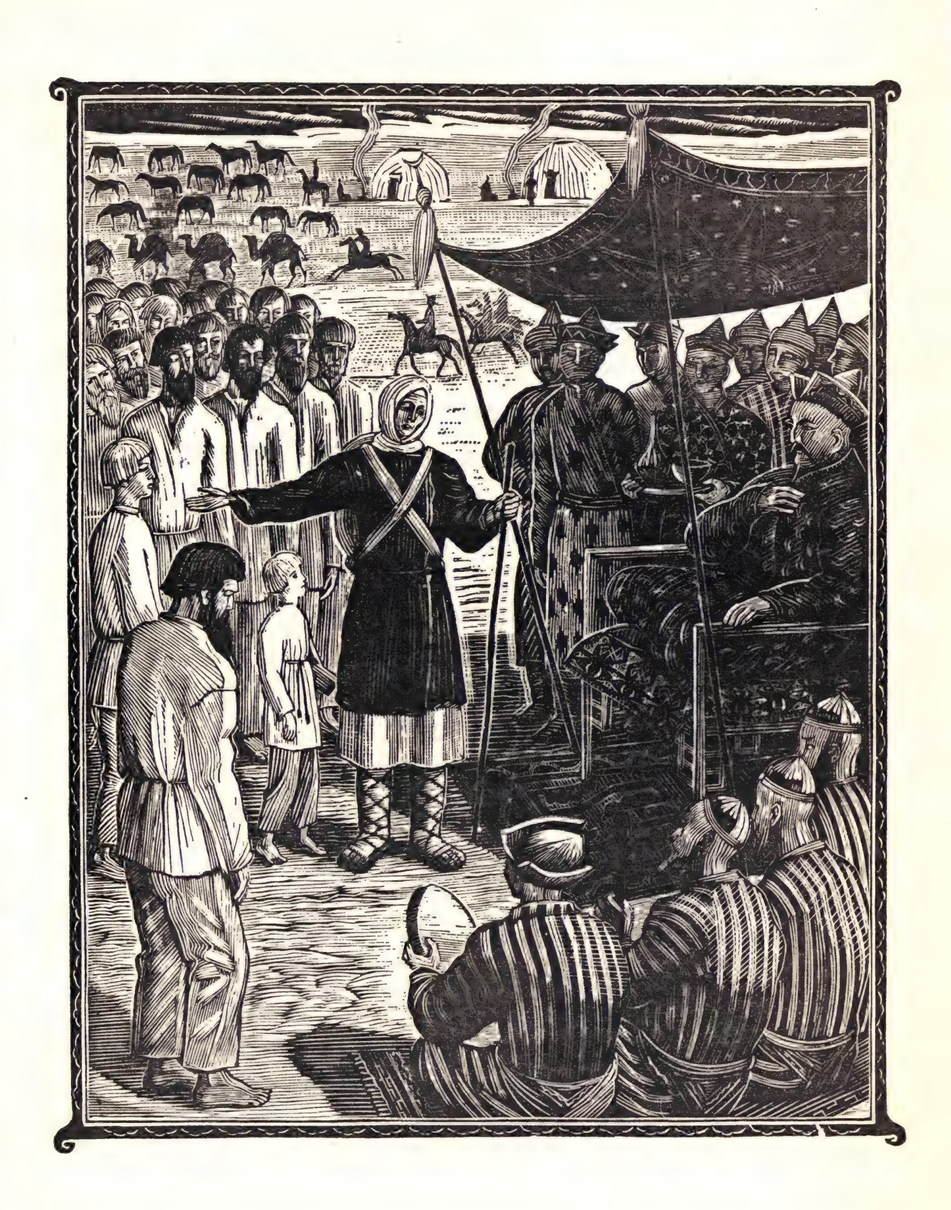
И царь на Авдотью дивится:
— Орда молодцов видала,
Такого образца не бывало!
Не князь, не посол, не воин —
Жёночка с Рязани, сиротинка,
Перешла леса и пустыни,
Толкучие горы перелезла,
Бесстрашно в Орду явилась...
Гой вы, мурзы-татаре,
Приведите полоняников рязанских,
Пущай Авдотья посмотрит,
Жив ли муж её с братом,
Тут ли её милое чадо!

И полон рязанский приводят,
И Авдотья видит мужа и брата.
Живого видит милого сына.
И не стрела с тугого лука спрянýла,
Не волна о берег раскатилась,
С семьёй-то Авдотьюшка свидалась.
Напали друг другу на шею,
Глядят, и смеются, и плачут.

Говорит царище татарский:
— Жалую тебе, жёнка Авдотья,
За твоё годичное хожденье:
Из троих тебя жалую единым,
Одного с тобою на Русь отпущаю.
Хочешь, бери своего мужа,
Хочешь, бери себе сына,
А хочешь, отдам тебе брата.
Выбирай себе, Рязанка, любого.

И в ту пору и в то время
Бубны, набаты замолчали,
Роги и жалейки перестали.
А жёнка Авдотья Рязанка
Горше чайцы морской возопила:
— Тошно мне, мои светы!
Тесно мне отовсюду!
Как без камешка синее море,
Как без кустышка чистое поле!
Как я тут буду выбирати,
Кого на смерть оставляти?!
Мужа ли я покину?
Дитя ли своё позабуду?
Брата ли я отступлюся?..
. . . .

Слушай моё рассужденье,
Не гляди на мои горькие слёзы:
Я в другой раз могу замуж выйти,
Значит, мужа другого добуду.
Я в другой раз могу дитя родити,



Значит, сына другого добуду.
Только брата мне не добыти,
Брата человеку негде взяти...
Челом тебе бью, царь татарский,
Отпусти на Русь со мною брата!

И в то время жёнка Рязанка
Умильно перед царищем стояла,
Рученьки к сердцу прижимала,
Не мигаючи царю в очи глядела,
Только слёзы до пят протекали.
Тут не на море волна прошумела,
Авдотью Орда пожалела,
Уму её подивилась.
И царище сидит тих и весел,
Ласково на Авдотью смотрит,
Говорит Авдотье умильно:
— Не плачь, Авдотья, не бойся,
Ладно ты сдумала думу,
Умела ты слово молвить.
Хвалю твоё рассужденье,
Славлю твоё умышленье.
Бери себе и брата и мужа,
Бери с собой и милого сына.
Воротися на Русь да хвастай,
Что в Орду не напрасно сходила,
На веках про Авдотью песню сложат,
Сказку про Рязанку расскажут...
А и мне, царищу, охота,
Чтобы и меня с Рязанкой похвалили,
Орду добром помянули.

Гей, рязанские мужи и жёны,
Что стоите, тоскою покрыты?
Что глядите на Авдотьину радость?
Я вас всех на Русь отпущаю.
Гей, жёнка Авдотья Рязанка!
Всю Рязань веди из полону,
И будь ты походу воевода.

И в те поры мурзы-татаре
Своего царища похваляют,
Виньгают в трубы и в роги,
Гудят в набаты, в бубны.
И тут полоняники-рязанцы
Как от тяжкого сна разбудились,
В пояс Орде поклонились,
Молвили ровным гласом:
— Мир тебе, ордынское сердце,
Мир вашим детям и внукам!

И не вешняя вода побежала,
Пошла Рязань из полону.
Понесли с собой невод и ка́рбас[1]
Да сетей поплавных — перемётов,
Чем, в дороге идучи, питаться.
Впереди Авдотья Рязанка
С мужем, с братом и с сыном,
Наряжены в белые рубахи,
Опоясаны поясами.

---

[1] Ка́рбас. — Имеется в виду речной карба́с — гребное, беспалубное, парусное судно.

После этого биванья
Воротилась Рязань из полону
На старое своё пепелище,
Житьё своё управляют,
Улицы ново поставляют.

Были люди, миновались,
Званье, величанье забывалось.
Про Авдотью память осталась,
Что жёнка Авдотья Рязанка
Соколом в Орду налетала,
Под крылом Рязань уносила.





О Сухмане Непровиче

У кануна[1] у праздника
Угощает князь Сеславьевич
Свою дружину хоробрую[2].
Ходит чаша рядовная,
Гости пьют, похваляются
Кто могутною силою,
Кто красой молодецкою.

---

[1] К а н у н (греч. kanon) — день, предшествующий празднику.
[2] Х о р о́ б р у ю — храбрую.

А Сухман-то Непровьевич
Испивает по-малёхоньку,
Говорит по-редёхоньку.
Князь по гридне[1] похаживает,
У Сухмана выспрашивает:
— Что сидишь не улы́бнешься?
Али чара шла не по́ ряду?
Али место не по о́тчине?[2] —
Ответ держит молодой Сухман:
— Та и чаша чиновная,
Я котору ко устам несу.
То и место степенное,
На котором я сижу.—
Говорит князь Сеславьевич:
— Не спесиво ли высловил,
А не хвастливо ли вымолвил?
Ты о чём ладишь хвастати?
Богатырской ли силою
Али красой молодецкою? —
Ответ держит молодой Сухман:
— Моя сила не вам чета,
Моя кра́сота не вам ровня.
А похвастаю силою:
Оснастишь ты, князь Сеславьевич,
Боевые лодьи мерные[3],
Зайдёшь в лодьи с дружиною,
Со конями, со сбруями,

[1] Гри́дня — здесь: комната для приёма гостей.

[2] Место не по отчине.— На пирах, на собраниях были места почтенные, средние и низкие. По обычаю, сын занимал то место за столом, где сидел его отец.

[3] Ло́дьи мерные.— Мерными лодьями названы здесь суда, размер которых позволил грузить на них и вооружённых воинов и лошадей.

Я лодьи те повыздыму[1],
Во синё море вынесу.
А в мою-то во кра́соту
Поглядит солнце красное,
Полюбуются звёзды частые.—
Говорит князь Сеславьевич:
— Нам догадку высказываешь,
Нам загадку загадываешь.
То ведь кудесы[2] заветные,
То волшба́ хитромудрая,
Вещим бабам показана,
Старикам заповедана.
А твои возрасты ранние,
Твои степени молодшие.
Дам тебе службу сверстную[3].
Ты сгуляй ко Непре-реке,
Настреляй гусей-лебедей,
Серых малых утёнышей
Во дворы-ти во княжие,
Нам в потребы домовные.—
А и Сухман не ослышится.
Он и едет Непрой-рекой,
На реку-то дивуется,
У реки-то выспрашивает:
— Гой ты, мати Непра-река,
Что течёшь не по-старому?
Что волной разгулялася,
Во песках замутилася? —

---

[1] Повы́здыму — подниму (от глагола «вздымать»).
[2] Куде́сы — волшебство, чародейство.
[3] Све́рстную — подходящую по возрасту, по годам.

Отвечает Непра-река:
— Мне ведь как не мутитися,
Во песках не мешатися?
К моему-то ко берегу,
С полуденную сторону,
Подошли злы татаровья,
Семь полков, орда Синяя.
Они мосты-то вымащивают,
Через меня-то, Непру-реку,
Переходы выкладывают.
Что они в день-то повымостят,
Что во дни-то повыстроят,
То я ночью повырою,
То я ночью повымою.
Я из сил-то повыбилась...
А идут-то татаровья
Ко княжому ко городу,
Ладят город на дым пустить,
Старых-малых повыгубить.—
А и тут молодой Сухман
Он и гонит добра коня
В полуденную сторону.
Красно солнце на за́кате,
Красна солнца не видети,
Что от духу татарского,
Что от поту ордынского.
А и тут молодой Сухман
Он хватал сыр матёрый дуб
Со корнями из берегу.
А не гроза-то накатится
И не туча навалится,

А ударил молодой Сухман
На полки-то татарские.
Он здымал сыр матёрый дуб
Выше плечи могучие,
Он и жахнул[1] ко западу,
Отмахнул на восточную.
То-то писку татарского,
То-то визгу ордынского!
А и бил молодой Сухман,
Как косец-то траву косил.
А и ложатся татаровья,
Ложатся увалами,
Лежат перевалами.
А и мати Непра-река
Со постели повыстала[2],
На Орду-то опру́жилась.
Она мыла татаровей,
Уносила поганыих
Во поддоны[3] — желты пески.
То-то ноченька грозная,
То-то ноченька светлая.
Заря-то вечерняя
С зарёю со утренней
Как сестра с сестрой со́йдутся.
На заре той, на утренней,
Заходил молодой Сухман
На гору на Окатову.
Он оглядывал к северу,

---

[1] Жа́хнул — ударил с размаху.
[2] Со постели повы́стала — вышла из берегов. Постель реки — русло реки.
[3] Поддо́ны — ямы на дне реки.

Отслушивал к западу,
А ни писку, ни голосу,
А ни визгу, ни шороху.
Лежит орда Синяя,
Как трава-то покошена.
А в живых-то осталися,
Остали́сь три татарина.
Они под гору укрылися,
В кусты схоронилися.
А Сухман-то Непровьевич
На горе постаивает,
Сымает золотой шелом,
Расстегнул латы[1] булатные,
Отирает кровавый пот
По трудех-то великиих.
А и три-то татарина
Тянут туги́ луки́,
Пустили три стрелы.
Ударили три стрелы
Во крепку грудь Сухманову,
Во сердце ретивое.
То-то ноченька грозная,
То-то ноченька светлая.
Говорит Непра-река:
— Родимое моё дитятко,
Не вынимай калёной стрелы
Из сердца ретивого!
Дождись зари утренней,
Простись со дружиною.—

[1] Ла́ты — в рыцарском вооружении набор металлических щитков для защиты груди и спины.

А во ту пору-времени
Во своём-то во городе
Не спит князь Сеславьевич,
С дружиною советует:
— Что без ветру река шумит?
За рекой будто гром гремит.
То не туча грозовая,
Не гроза разгулялася,
Тамо сеча кровавая,
Тамо бой-драка великая!
А и нет ли невзгодушки
Над молодым-то Непровичем? —
А и князь со дружиною
На добрых коней падают,
А и гонят Непрой-рекой
В полудённую сторону.
А и тут становилися,
А и тут острашилися:
Круг горы-то Окатовы
Лежит орда Синяя,
Лежат злы татаровья,
Как трава-то покошена.
А и скачет князь с дружиною
На гору Окатову.
Стоит молодой Сухман,
О коня ослоняется[1],
Говорит таковы слова:
— Здравствуй, князь со дружиною!
Я служил службу раннюю

[1] Ослоня́ется — прислоняется, опирается.

По моим малым возрастам,
По молодшим по степеням.
Набил гусей-лебедей,
Серых малых утёнышей.—
Говорит князь Сеславьевич:
— Уж ты гой еси, Непровьевич,
Богатырь святорусский!
Мне-ка чем тебя жаловать?
В города ли воеводою
Аль несчётной золотой казной? —
Ответ держит молодой Сухман:
— Уж воеводить мне некогда
И казна стала ненадобна.—
А и тут молодой Сухман
Он правой-то рученькой
Выхватывал калену́ стрелу
Из своего-то сердечушка...
И не белой снежочек пал —
Непрович с ног упал.
Он упал, упал; лежит.
Белый снег на лицо бежит.
Из груди-то Сухмановой
Ударили три ключа.
Три ключа, во́ды светлые
Во потоки свивалися,
Большой рекой разбежалися.
Объявилась Сухман-река.
От очей-то Сухмановых
По той же Сухман-реке
Объявились два озера,
Во́ды синие, светлые.

Налетели тут гуси-лебеди,
Серы малы утёныши.
От костей-то Сухмановых
Поднялись круты бе́реги.
От кудрей-то Сухмановых
По той ли Сухман-реке
Верба раскудрявилась.
А от уст-то румяныих
Расцвели цветы алые.
А в красу-то Сухманову,
В воды чистые, светлые
Днём глядит солнце красное,
А в ночи́ — звёзды частые.
А дошла пора времени,
Оснастил князь Сеславьевич
Боевые лодьи мерные;
На лодьи зашёл с дружинами,
Со конями, со сбруями.
Подымала их Сухман-река,
Понесла во синё море.



СОДЕРЖАНИЕ

Для младшего школьного возраста

АВДОТЬЯ РЯЗА́НОЧКА

Былины в пересказе
Бориса Викторовича Шергина

ИБ № 6006

Ответственный редактор *Г. И. Гусева*
Художественный редактор *М. Д. Суховцева*
Технический редактор *Е. П. Трифонова*
Корректор *Е. А. Сукясян*

Сдано в набор 27.04.81. Подписано к печати 23.12.81. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бум. типогр. № 2. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 2. Усл. кр.-отт. 2,5. Уч.-изд. л. 1,21. Тираж 1 000 000 экз. Заказ № 3616. Цена 5 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

5 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В 1982 году в серии «Книга за книгой» выходят следующие произведения:

Гарин-Михайловский Н. ТЕМА И ЖУЧКА.
Рассказ

Григорович Д. ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИК.
Повесть

Маяковский В. ПЕСНЯ-МОЛНИЯ.
Стихи

Полонский Я. СОЛНЦЕ И МЕСЯЦ.
Стихи

Фет А. КОЛОКОЛЬЧИК.
Стихи.